
НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОБСУЖДЕНИИ ИСТОКОВ ПОЛИТОЛОГИИ В РОССИИ

Аннотация

Статья освещает отдельные мнения в рамках дискуссии о традициях российской политологии. Утверждения и понятия, представленные в статье, не противоречат друг другу, хотя и отражают различные аспекты российских размышлений о социально-политических вопросах. Кроме того, они позволяют увидеть множественность мнений о тех исторических моментах, которые воспринимаются современными политологами России как важнейшие ориентиры. В свете представляемых концепций нетрудно заметить, что обмен идеями по обсуждаемому вопросу становится все более актуальным в последние годы.

Ключевые слова: истоки современной российской политологии, специфика российской политологии, сущность российской политологии, комментарий об истоках российской политологии.

Авторы

Елиньски Эдуард

Dr hab. (философия), профессор, заведующий Департаментом философии политики факультета политических наук и журналистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Познань, Польша)

Хордецки Бартош

Dr (политические науки), dr (право), адъюнкт Департамента медийных систем и права СМИ факультета политических наук и журналистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Познань, Польша)

Введение

Во-первых, следует начать с простого, но крайне существенного замечания. Российская история характеризуется несколькими переломными моментами, которые изменили сложившуюся точку зрения на политические и социальные вопросы. Не углубляясь далеко в прошлое, необходимо упомянуть реформы, проводимые Петром I, период войны с Наполеоном и формирование в XIX в. идеи о самобытности России, революцию 1917 года, которая положила начало Советской России и СССР, период перестройки, распад СССР, конец эпохи

Бориса Ельцина и начало путинской России.

Каждый период между этими поворотными моментами характеризовался различными правилами и структурой, своим ходом развития и внутренними противоречиями и оставил после себя характерные принципы и взгляды на политику и ее роль в жизни общества, а также на понимание и оценку социально-политических процессов. В целом принципы и правила служат идеологической основой своего времени. Те, кто умели распознавать и формулировать эти основы, формировали тенденции в политической и социальной мысли и

диалоге своего времени. Проникнув в коллективное сознание, можно заметить, что сложившиеся однажды принципы и правила по-прежнему существуют как реперные точки в современной российской политической науке и часто упоминаются для противопоставления идеям некоторых направлений.

Проявление особого внимания одному из тех, кто сформулировал тот или иной принцип представляемой им традиции, часто понимается как эксплицитное выражение собственной идеологической позиции и определение методов проведения политологических исследований. Отсюда возникает напряженность и конфронтация, предопределяющие конфликт о роли традиции в современной политической науке. В значительной степени противоречие вписывается в рамки общего соревнования, в котором оппоненты нуждаются друг в друге (как в эталонном мнении и точке отсчета для определения индивидуального и группового самосознания). Такое положение вещей имеет множество последствий, напрямую влияющих на современный облик российской политологии. Один из них — это спор о зарождении политической науки в России.

Избранные комментарии об истоках российской политической науки

Некоторые исследователи видят истоки российской политической науки в период появления университетского образования в России¹.

¹ Например, исследователи из Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (основан в 1755) указывают на истоки русской политической науки в 1770-х гг. По словам Андрея Шутова, 22 апреля 1771 г., в день рождения Екатерины II, Карл Генрих Лангер читал лекцию (торжественную речь) «О пределах и важнейших представителях политической науки», которая считается первой речью в Императорском Московском университете о политической науке своего времени. Интересно, что Лангер родился в Силезии и учился в немецких университетах (например, юриспруденции в Йенском универ-

Другие исследователи отмечают, что, хотя невозможно указать какие-либо конкретные даты, которые, по крайней мере, могли бы обозначить зарождение политической науки в империи царей, однако следует иметь в виду, что традиция политической мысли на некоторых территориях страны восходит примерно к XI в. В предисловии к избранным текстам о развитии русской социально-политической мысли с XI по XVII в. Сергей Перевезенцев отмечает: «История русской политической мысли насчитывает многие столетия. Уже в письменных памятниках XI–XII вв. мы можем найти размышления русских

ситете). Он приехал в Россию (Санкт-Петербург) в 1759 г. В 1764–1774 гг. он работал в Московском университете (подробнее см. п. 43 стр. 6–16). В книге «Избранные труды профессоров нравственно-политического отделения МГУ» под ред. Шутова, изданной в 2010 г. [44], отобраны тексты профессоров этого учреждения, в том числе работа Кристиана фон Шлецера (1774–1831), в которой автор предложил подробную классификацию политических наук [42. — С. 163–183]. В вопросе о зарождении политических наук в Санкт-Петербургском университете мы можем довериться информации Леонида Сморгунова. По его словам, учебная программа XVIII в. на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета включала, в частности, лекции по практическим наукам: политике, этике и естественному праву. По мнению Сморгунова, вклад Санкт-Петербургского университета в распространение знаний о политологии в первой половине XIX в. трудно переоценить: именно в Санкт-Петербургском университете были приняты первые попытки «создать в России новое политическое университетское образование, соразмерное мировому опыту тогдашнего времени». Кроме того, Сморгунов утверждает, что университетские программы по политологии в Санкт-Петербургском университете имели свою специфику и были разработаны еще в начале XIX в. (в сравнении с другими российскими университетами, программами предусматривалось меньше лекций по философии и теологии; больший акцент был сделан на преподавание экономики; «политической арифметике» обучали с акцентом на возможности эффективного использования новых математических знаний, а не на статистику, определяющую текущее состояние наций и стран; были разработаны дисциплины, которые предоставляли студентам возможность изучить ситуацию за пределами России [33. — С. 15].

мыслителей о сущности и смысле власти, о реальном или идеальном. При этом политические мыслители XI–XVII вв. стремились в своих теоретических рассуждениях и практических рекомендациях, с одной стороны, отразить реальные проблемы, стоявшие перед обществом в тот или иной исторический период, а с другой — соотнести эти реальные проблемы с собственными идеальными представлениями о власти и государстве. Следовательно, сама русская политическая мысль XI–XVII вв., во-первых, была отражением и выражением специфики исторического и политического развития России, во-вторых, сама формировала определенные социальные и политические идеалы, которые в той или иной степени формировали общественное сознание, более того — становились целью развития общества и государства» [25. — С. 10].

К ключевым особенностям российской социально-политической мысли в XI–XVII вв., по мнению Перевезенцева, относятся: традиционализм, передаваемый из поколения в поколение рядовыми представителями народа, особенно крестьянством («Здесь свою роль играла территориальная община, которая господствовала в русской деревне и позволяла сохраняться традиции на протяжении многих веков. Так, некоторые традиции обычного права, зафиксированные в конце XIX в., восходят своими корнями еще к XI в.») [25. — С. 13]; общее убеждение, что власти должны не столько участвовать в строительстве «нового, светлого будущего», сколько создавать безопасные условия для жизни людей «по старине», расхожее мнение, что власть, вопреки своему прямому назначению, часто выступает в качестве противника устоявшегося образа жизни и пытается заставить людей принять губительные нововведения; большое количество традиций, упоминаемых основоположниками российской политической мысли («...русская политическая мысль

не просто опиралась на традицию, но разные политические мыслители опирались на различные политические традиции [...]. Иначе говоря, политические споры XI–XVII вв. — это не просто борьба «старого» и «нового», «хорошего» и «плохого», но и соперничество различных традиций за первенство в общественно-политическом сознании и в общественно-политической практике. Соответственно, сущность той или иной позиции того или иного русского политического мыслителя характеризовалась его принадлежностью к определенной традиции политической мысли») [25. — С. 15]; закрепление социально-политических идей в религиозных и философских взглядах на жизнь и формирование этих идей в соответствии с доминирующим религиозным и философским пониманием мира, что в условиях отсутствия политической мысли происходит независимо от какого-либо религиозно-философского контекста [25. — С. 16]; отсутствие социально-политических трактатов (популярных на Западе), общественно-политические мысли оформляются в виде литературно-художественных и публицистических произведений: «слов», поучений, посланий, сказаний, притч, повестей и т.д.» [25. — С. 17]¹.

¹ См. также: [35; 23; 26]. Многообразие и сложность традиции российской политической мысли (особенно в XIX–XX вв.) признают также Юрий Пивоваров и Александр Соловьёв, авторы сборника классических русских общественно-политических текстов, издаваемых Российской ассоциацией политической науки. Согласно комментариям во введении к изданию «Введение. Политическая мысль и политическая наука в России: Сложные переплетения, противоречивые традиции, прогноз будущего», «содержание русской мысли, в консервативной форме проявившееся еще в XIX столетии, в значительной мере продемонстрировало свою историографичность, наличие коллективистских чувств, ориентацию на моральные ценности и внимание к будущности человечества, нацеленность на религиозное спасение и ответственность за все несовершенство жизни и даже за устройство всего космоса. Вместе с тем на всем протяжении своей истории политическая мысль так или иначе

Существуют многочисленные сто-

подпитывалась интеллектуальными традициями русского православия (от митрополита Иллариона до Симеона Полоцкого) и общехристианскими ценностями, идеями византизма, а позднее и *ордынства*. Влиятельным фактором стали и эпизодические разрывы традиции, случавшиеся в периоды истории, *сопряженные* с качественной трансформацией социума (революции, войны, радикальные реформы), и последствия раскола общества на два *враждебных склада жизни* (В.О. Ключевский) — европеизированный и традиционалистский» [27. — С. 10–11]. Что не менее важно, авторы подчеркивают, что существует принципиальное различие между российской общественно-политической мыслью и российской политической наукой. Последняя, по их мнению, родилась и развилась гораздо позже, чем в Западной Европе. Пивоваров и Соловьёв ссылаются на следующие подтверждающие факты: в 1804 г. в Московском университете был создан факультет нравственных и политических наук; в XIX в. по политическим дисциплинам стали читать лекции во многих российских университетах; в 1837 г. Т. Степанов выступил в Харьковском университете с «Речью о сущности, важности и назначении политических наук...»; в 1862 г. Д. Каченовский прочитал лекцию «О современном состоянии политических наук в Западной Европе и России»; повелением Александра II в 1860-х гг. многие российские университеты запустили учебные программы политических наук [27. — С. 8; см. также: 36. — С. 141–158]. Как прокомментировал Андрей Топычканов, в 1881 г. Иван Андреевский, профессор Санкт-Петербургского университета, определил основные каналы популяризации политических знаний в России при Александре II. По мнению Андреевского, этот процесс должен был осуществляться посредством практической политической деятельности, теоретической работы университетов, а также с привлечением прессы. Как отметил Топычканов, в 1860-е гг. в Российской империи произошли значительные преобразования в трех упомянутых выше сферах, которые следует считать благоприятными для развития политического сознания россиян. Преобразования стимулировали введение новых законов, организующих работу университетов (1863), созданием местных территориальных органов самоуправления (1864) и принятием временных законов о печати. В соответствии с новыми нормативными актами, применяемыми к университетам, «утратила свое доминирующее положение легистская концепция юриспруденции и расширилась область юридического образования, включившего в себя политическую, социальную, а впоследствии тоже и психологическую проблематику». Более того, благодаря новым правовым нормам политология и государственное право получили более широкое распро-

ронники мнения о том, что при поиске истоков российской политологии следует сконцентрироваться на процессах, происходивших во времена СССР. Тогда политологические исследования развивались в соответствии с деятельностью Советской ассоциации политических наук, наивысшим институциональным успехом которой стала организация Всемирного конгресса политических наук в Москве в 1979 г. [22].

Как отметил Яков Пляйс, стандартизация политологии в России началась только в 1990-х гг. Постановление Государственного комитета СССР по науке и технологиям № 386 от 4 ноября 1988 г. «О номенклатуре специальностей научных работников» является первым документом, в котором делается ссылка на политологов как на группу специалистов. В соответствии с решением № 1 Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР от 25 января 1989 г. номенклатура, принятая Государственным комитетом по науке и технике, стала обязательной во всех органах по обеспечению научных исследований и научных кадров [28. — С. 155].

Вышеупомянутые документы знаменуют начало институционализации политологии как научной дисциплины в СССР/России: были созданы институты, научные советы и факультеты. Первое заседание коллегии экспертов по политическим наукам состоялось осенью 1990 г., в его работе приняли участие в основном члены Академии наук СССР. Первые научные советы в области политологии были созданы в 1990 г. в Институте общественных наук при ЦК

странение. В результате были скорректированы названия университетских отделений, изучение политической экономики было переведено с исторического и философского факультета на факультет права. Кроме того, новые правила способствовали образованию многочисленных научных ассоциаций, связанных с университетами, которые считали политические исследования одним из своих основных направлений деятельности [36. — С. 144–147].

КПСС (под председательством Фёдора Бурлацкого) и в Уральском отделении Академии наук СССР [28. — С. 155].

По словам Пляйса, исследования в отдельных областях политологии в России проводились уже в конце XIX в. и касались в основном вопросов государственности. В отличие от США и многих европейских стран, в России в то время не проводилось никаких исследований о политической власти и ее социальном происхождении, теории элит, типологии политических систем и систем политических партий, политических режимах, политических идеологиях или гражданском обществе¹.

Пляйс утверждает, что попытки исследований Фёдора Бурлацкого, Алексея Румянцева, Геннадия Осипова, Юрия Левады, Бориса Грушина, Георгия Шахназарова, Олега Богомолова, Георгия Арбатова, Фёдора Петренко или Михаила Титаренко, предпринятые в 1960-е и 1970-е гг., ни в коем случае не могут считаться началом российской политической науки. Эти исследователи работали в условиях идеологической монополии коммунистической партии, а это значит, что они не могли заниматься политологией в строгом значении этого термина [30. — С. 5]. Тем не менее стоит упомянуть утверждение Алексея Салмина (1951–2005), сформулированное в июле 2002 г., когда он был президентом Фонда «Российский общественно-политический центр» и главным редактором журнала «Полития». Алексей Салмин заявил следующее: «Я бы и согласился, и не согласился — в разных контекстах — с утверждением, что развитие политологии начинается с 1989 года. В действительности все происходило несколько сложнее. После 1989 года у политологии появился, еще в Советском Союзе и затем, конечно, в Российской Федерации, естественный

предмет для изучения — политическое общество. Худо-бедно оно стало развиваться. Стали проводиться регулярные выборы на альтернативной основе, в парламентах образовались фракции (не всегда связанные с партиями), *пошел* очень противоречивый процесс территориальной децентрализации, возник клубок проблем в отношениях между центром и регионами России. Началось очень непоследовательное введение весьма несовершенного местного самоуправления. Возникло не всегда здоровое, но реальное разделение властей — вплоть до конфликтов на отдельных этапах. Рождались и умирали сотни организаций, называвших себя партиями, и. т.д. Иными словами, появился целый ряд проблем, начался целый ряд процессов, которые политология по праву считает своими и которые занимают центральную область в политической науке в том виде, в каком она сложилась преимущественно в Западной Европе и США, являясь в сегодняшнем мире международной признанной дисциплиной» [32. — С. 328].

По словам президента Российской ассоциации политической науки Оксаны Гаман-Голутвиной, несмотря на богатую традицию российской общественно-политической мысли, «официальное конституирование политической науки как академической дисциплины и исследовательского направления состоялось довольно поздно — в конце 1980-х гг.». По ее мнению, подобное отставание было вызвано в основном объективными факторами, в частности тем, что «исторически и Российская империя, и СССР были организованы как идеократии». Таким образом, как отмечает Гаман-Голутвина, «в условиях чрезвычайного разнообразия — территориально-географического, экономического и этноконфессионального — консолидирующим принципом выступал идеологический механизм: в Российской империи данную функцию выполняли православие и державность, в СССР — коммунистическая

¹ В силу вышесказанного работы Моисея Острогорского, изучавшего в то время демократию и политические партии, Пляйс считает исключением из правила [30. — С. 5].

идеология». Межличностные отношения, их понимание и определение были идеологизированы с целью создания единой российской или советской реальности и защиты империи от распада. В то же время идеократическая система свела к минимуму «возможности укоренения плюрализма — политического и интеллектуального, без которого невозможно развитие социальной науки, вследствие чего интеллектуальный плюрализм имел преимущественно периферийный характер — в терминах не географии, а иерархии и структуры общественного пространства» [13. — С. 14]. Однако Гаман-Голутвина отмечает, что, несмотря на вышеизложенные обстоятельства, развитие политических исследований в СССР было по достоинству оценено за рубежом. Она пишет следующее: «Не случайно авторы (среди них — имена первого ряда: Раймон Арон, Морис Дюверже, Гарольд Лассуэл, Чарльз Мерриам) подготовленного в конце 1940-х гг. масштабного доклада «*Современная политическая наука: обзор методов, направлений исследования и преподавания*», который был подготовлен силами боллее чем 50 исследователей, представлявших широкую палитру стран от Мексики до Китая, выделили пять ведущих национальных школ политической мысли, включив в этот перечень американскую, британскую, французскую, немецкую и советскую. Действительно, несмотря на то, что официально в существовавшем до 1989 г. реестре специальностей политология не значилась, тем не менее в стране и до этого рубежа существовали традиции и формировались школы изучения политической сферы».

Гаман-Голутвина утверждает, что при советском режиме акцент ставился на развитие исследований в области государства и государственности, политических партий, систем и режимов, принципов развития мировой экономики, внешней политики и международных отношений, идеологий и поли-

тических культур, истории политологии и теории государственности, а также краеведения. Подобные исследования проводились в нескольких институтах Академии наук СССР (Институт философии, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт международного рабочего движения, Институт США и Канады, Московский государственный институт международных отношений и др.), а дисциплины, входящие в сферу политологии, преподавались в крупнейших университетах СССР.

В 1944 г. был создан Московский государственный институт международных отношений, который, как отмечает Гаман-Голутвина, должен был стать одним из ключевых научно-образовательных центров в области истории и теории международных отношений. Президент Российской ассоциации политической науки также подчеркивает, что первый факультет политологии в Российской Федерации был создан в 1998 г. в Московском государственном институте международных отношений при Министерстве иностранных дел России [13. — С. 15].

Вывод

Нетрудно заметить, что высказывания и понятия, представленные в статье, не противоречат друг другу. Однако они освещают различные аспекты истории российской социально-политической мысли и позволяют увидеть множественность мнений о моментах, воспринимающихся как важнейшие ориентиры современными политологами России.

Приведенные и охарактеризованные высказывания представляют собой лишь небольшую часть дискуссии о зарождении современной российской политической науки. Впрочем, даже они позволяют увидеть, что обмен идеями по этому вопросу становится все более актуальным в последние годы. Более того, обсуждение истоков политоло-

гии в России следует рассматривать как часть более широкой дискуссии по вопросам специфики и идентичности политической науки в России. Развитие рефлексии в данной области связано с обсуждением множества источников, формирующих содержание и форму современных российских политических исследований. Источники часто подразделяют на отечественные и зарубежные, и на фоне такого разделения развивается дискуссия о направленности исследований, проводимых современными российскими политологами. Речь, в частности, идет о соотношении исследований, основанных на отечественных и зарубежных источниках, исследований, определяющих границу и взаимосвязь между ними, специфики национальной общественно-политической мысли и ее дальнейшего развития и роли общественно-политической мысли в создании российской национальной школы политической науки.

В конце нашего короткого обзора стоит добавить, что и многие другие научные процессы принято объяснять разделением источников исследований, используемых политологами в России.

Среди них отметим следующее: 1) широкий круг вопросов и высокая степень напряженности дискуссии о разделении на отечественную и зарубежную политологию; 2) повсеместное убеждение в национальном характере политологии (местоположение и культура оказывают существенное влияние на форму и результаты политологических исследований и образования); 3) прогрессирующая специализация политологических исследований в сочетании с автономизацией и фиксированной реконструкцией политологических субдисциплин; 4) методологический плюрализм в российской политологии, сопровождающийся незначительным акцентом на определение фиксированных рамок определенных направлений исследований; 5) относительно сильная нормативная база политологических исследований — объективность против практической целесообразности; 6) незначительная степень присутствия российских политологов и результатов их исследований на международной площадке и усиливающееся стремление российских политологов изменить сложившуюся ситуацию.

Литература

1. *Brown A.* Political Science in the USSR // *International Political Science Review*. — 1986. — N 7. — P. 443–481.
2. *Gel'man V.* Political Science in Russia: Scholarship without Research? // *European Political Science*. — 2015. — N 14. — P. 28–36.
3. *Hill R.* Soviet Politics, Political Science, and Reform. — N.Y.: White Plains, 1980.
4. *Ilyin M.* History of Political Science in Russia // *Participation*. — 2013. — Vol. 37, N 1. — P. 18–19.
5. *Ilyin M., Malinova O., Patrushev S.* Political Science in Russia: Development of a Profession // *Political Science in Central-East Europe: Diversity and Convergence* / Ed. R. Eisfeld, L. Pal. — Opladen, 2010. — P. 131–150.
6. *Three Social Science Disciplines in Central and Eastern Europe: Handbook on Economics, Political Science and Sociology (1989–2001)* / Ed. M. Kaase, V. Sparschuh. — Bonn; Berlin; Budapest, 2007.
7. *Kharkhordin O.* From Priests to Pathfinders: The Fate of the Humanities and Social Sciences // *The American Historical Review. Russia after World War II*. — 2015. — Vol. 120, N 4. — P. 1283–1298.
8. *Popova O.V.* The Development of Political Science in Modern Russia // *Political Science in Europe at the Beginning of the 21st Century* / Eds. B. Krauz-Mozer, M. Kuřakowska, P. Borowiec, P. Ścigaj. — Cracow, 2015.
9. *Shestopal H.* Observations on the Transformation of the Political Science Community in Post-Soviet Russia // *Political Science and Politics*. — 1999. — Vol. 32, N 4. — P. 713–720.

10. Авдонин В.С. Наука по валу и по уму. — «НГ-Наука», 2016. — URL: http://www.ng.ru/science/2016-01-27/11_science.html
11. Бурлацкий Ф.М. О политической науке: Избранные произведения. — М., 2013.
12. Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. — М., 2015.
13. Гаман-Голутвина О.В. Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. — М., 2016.
14. Гуторов В.А. О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. — М., 2015.
15. Ирхин Ю.В. Международная ассоциация политической науки: Институализация, генезис, концептуальные подходы и практики. — М., 2017.
16. Ирхин Ю.В. Российский вектор в генезисе Международной ассоциации политической науки (К 35-летию Всемирного конгресса политологов в Москве) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2016. — № 1. — С. 87–101.
17. Ирхин Ю.В. Российская политология: четверть века или 255 лет? // Социально-гуманитарные знания. — 2011. — № 2. — С. 34–50.
18. Политическая наука в России: Проблемы, направления, школы (1990–2007) / Под ред. О.Ю. Малиновой. — М., 2008.
19. Русская философия: Энциклопедия / Под ред. М.А.Маслина. — М., 2014.
20. Политология. Political Science / Под ред. А.Ю. Мельвиль. — М., 2008.
21. Патрушев С.В. Из истории российской политической науки // Российская политическая наука: Истоки, традиции и перспективы: Мат-лы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва, 21–22 ноября 2014 г. — М., 2014.
22. История Российской ассоциации политической науки / Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. — М., 2015.
23. Перевезенцев С.В. Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв.: Основные идеи и тенденции развития. — М., 1999.
24. Перевезенцев С.В. Истоки русской души. Обретение веры. X–XVII вв. — М., 2015.
25. Перевезенцев С.В. Предисловие // Русская социально-политическая мысль XI–XVII веков: Хрестоматия / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. — М., 2011.
26. Хранители России: Антология / Под ред. С.В. Перевезенцева. — Т. I. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. — М., 2015.
27. История российской политической науки / Под ред. Ю.С. Пивоварова, А.И. Соловьёва. — М., 2015.
28. Пляйс Я.А. Новый этап в развитии политической науки в России // Полис. Политические исследования. — 2007. — № 3.
29. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. — М., 2010.
30. Пляйс Я.А. Политическая наука в России: Прошлое и настоящее // Вестник ТГУ. — 2007. — № 1 (45).
31. Российская политическая наука: Истоки, традиции и перспективы: Мат-лы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва, 21–22 ноября 2014 г. — М., 2014.
32. Салмин А.М. Интервью // История Российской ассоциации политической науки / Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. — М., 2015.
33. Сморгунов Л.В. Очерки истории политических наук в Санкт-Петербургском университете XIX в. // Российская политическая наука: Истоки, традиции и перспективы: Мат-лы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва, 21–22 ноября 2014 г. — М., 2014.
34. Российская политическая наука: В 5 т. / Под ред. А.И. Соловьёва. — М., 2008.
35. Литература Древней Руси: Биобиблиографический словарь / Под ред. О.В. Творогова. — М., 1996.
36. Топычканов А.В. Политические науки в России в эпоху Университетского устава 1863 г.: Проблемы институализации // Central European Political Studies. — 2014. — № 4. — С. 141–158.

37. Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия / Под ред. В.В. Шелохаева. — М., 2010.
38. Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия / Под ред. А.А. Ширинянца. — М., 2012.
39. История русской социально-политической мысли в XXI веке: исследователи и исследования: Энциклопедия / Под ред. А.А. Ширинянца. — М., 2015.
40. Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: Хрестоматия / Под ред. А.А. Ширинянца, И.Ю. Демина. — М., 2011.
41. Хранители России: Антология / Под ред. А.А.Ширинянца, С.В. Перевезенцева. — Т. 2. В поисках нового... консерватизма. XVIII в. — М., 2015.
42. *Шлёцер Х.А.* Энциклопедическое обозрение различных наук вообще, а в особенности политических и исторических, по их понятию и взаимному отношению // Избранные труды профессоров нравственно-политического отделения МГУ / Под ред. А.Ю. Шутова. — М., 2010.
43. *Шутов А.Ю.* Предмет политической науки: взгляд из XVIII века. Карл Генрих Лангер. О пределах и важнейших представителях политической науки // Избранные труды профессоров нравственно-политического отделения МГУ / Под ред. А.Ю. Шутова. — М., 2011.
44. Избранные труды профессоров нравственно-политического отделения МГУ / Под ред. А.Ю. Шутова. — М., 2010.

**Перевод статьи с английского осуществила
выпускница филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Мария Шадская

